

© Абрамова Е.А.¹, © Дегтерев Д.А.²

Франция в меняющейся расстановке сил в Сахеле: геометрия влияния

***Аннотация.** В процессе стремительного изменения геополитической обстановки в зоне Сахеля заслуживает внимания не только реконфигурация расстановки сил, но и формирование регионального комплекса безопасности, ядром которого выступает Альянс государств Сахеля (АГС – Мали, Нигер и Буркина-Фасо). В рамках настоящего исследования рассматривается модель и обозначаются географические границы комплекса безопасности в Сахеле, выявляется динамика изменения баланса сил на уровне региональных и внешних акторов.*

Кризис системы «Франсафрик», обозначившийся в результате государственных переворотов на фоне роста антифранцузских настроений в Мали, Нигере и Буркина-Фасо (2020–2023), вынуждает бывшую метрополию адаптировать свою стратегию в зоне «привилегированного влияния» к новым реалиям. Говорить о полном «уходе» Франции из региона представляется преждевременным. В отсутствие прежнего арсенала рычагов влияния в Сахеле (военное присутствие, программы экономической помощи и т.д.) Франция сохраняет возможность опосредованного влияния на региональные процессы, в том числе посредством трехсторонней дипломатии. В результате исследования был спрогнозирован наиболее вероятный подход

---

¹ Абрамова Екатерина Александровна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт Африки РАН (ekaterina_abramova23@mail.ru). ORCID: 0009-0004-6761-4215.

² Дегтерев Денис Андреевич – доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Африки РАН (ddegtrev@inafr.ru). ORCID: 0000-0001-7426-1383.

французской дипломатии в рамках «треугольника» взаимосвязей с Алжиром и странами АГС. Можно предположить, что Париж будет исходить из конкурентной стратегии, используя противоречия в отношениях между Алжиром и Мали для сдерживания растущего влияния западных игроков в Сахеле, например России.

Ключевые слова: Сахель, баланс сил, комплекс региональной безопасности, Франция, Алжир, АГС.

В последнее время о Сахеле со все большей уверенностью говорят как об арене геополитического противостояния между традиционными и восходящими игроками в Африке [Западные и западные ... , 2023]. Сложность регионального «ландшафта», на который дополнительно проецируется внешняя конкуренция, «подстегивает» исследовательские амбиции: эксперты стремятся каким-либо образом классифицировать и упорядочить всё многообразие акторов в зоне Сахеля, в том числе в прогностических целях. В рамках настоящего исследования были очерчены возможные контуры сахельской стратегии Франции в условиях динамично меняющегося (очевидно, не в ее пользу) баланса сил в регионе. Процессы, разворачивающиеся в Сахеле, имеют значение и для региона Ближнего Востока и Северной Африки – не только в силу географической близости, но и вследствие ряда общих политических и социокультурных параметров, что подтвердили события «Арабской весны» и их масштабные последствия.

Динамика соотношения сил в Сахеле

В работе «Люди, государства и страх» [Buzan, 1983] основатель Копенгагенской школы исследования безопасности Б. Бузан сформулировал теорию комплекса региональной безопасности (англ. regional security complex; далее – КРБ), обосновав важность изучения срединного (регионального) уровня, долгое время пребывавшего «в тени» великодержавной политики. Процесс деколонизации и распад биполярной системы позволили региональным подсистемам международных отношений обрести собственную внутреннюю динамику и большую автономию в отношении соперничавших сверхдержав [Buzan, Wæver, 2003]. КРБ объединяет страны, безопасность которых не может рассматриваться в отрыве друг от друга [ibid., p. 44]. В этом смысле Африканский континент, характеризующийся масштабными «эффектами перелива» (англ. spillover effect) в силу проницаемых государственных границ и

хрупкости военно-политических институтов [Williams, 2016], представляет собой органичную среду для формирования подобных комплексов. Тенденции последних лет свидетельствуют о возникновении КРБ в зоне Сахеля [Комплекс региональной безопасности ... 2023].

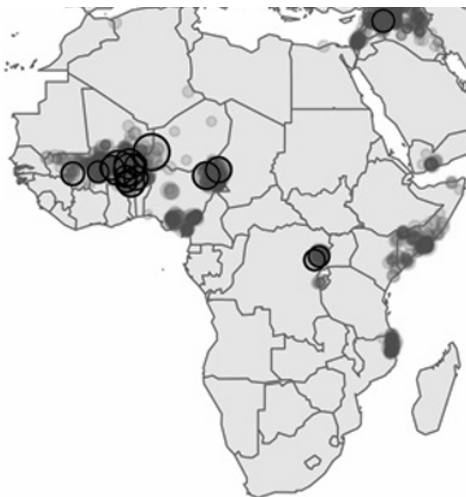
Согласно наиболее распространенному определению, пояс Сахеля простирается от Атлантического океана (Мавритания, Сенегал) на западе до Красного моря (Судан, Эритрея) на востоке. Однако в условиях динамично меняющихся геополитических реалий, каждая из которых «структурирует» регион особым образом, сохраняющиеся географические «разнотечения» делают границы Сахеля гибкими и подвижными. Так, создание в 2014 г. по инициативе Франции так называемой «Сахельской пятерки» (*англ.* G5 Sahel) (Мали, Нигер, Буркина-Фасо, Мавритания, Чад) свидетельствовало об очевидном успехе подхода Парижа к выстраиванию КРБ в пределах своего «постимперского пространства» [Трунов, 2022]. Общее колониальное прошлое этих стран было не единственным объединяющим их началом. Само существование межгосударственных границ, четких лишь на бумаге, оспаривается кочевым племенем туарегов¹, выступающих за создание собственного государства «Азавад». Отправной точкой для начала полномасштабного конфликта стало четвертое за историю независимого малийского государства восстание туарегов в 2010-х годах, которое отличалось от предыдущих волн вооруженных протестов в первую очередь тем, что было сопряжено с исламским радикализмом [Исаев, Бобарыкина, Коротаев, 2022]. Недостаточный потенциал для обеспечения безопасности по всему периметру протяженных границ, как и комплекс схожих проблем структурного характера привели к интернационализации угроз в масштабе всего региона. Зоны наибольшей конфликтности образовались в регионе Липтако-Гурма (так называемая «зона трех границ» – Мали, Нигера, Буркина-Фасо) и в бассейне о. Чад (где действует группировка «Боко-Харам»^{*}). Вмешательство внешних акторов (Франции, ЕС, США, ООН) не привело к стабилизации обстановки в регионе.

После того, как новые лидеры Мали, Нигера и Буркина-Фасо, пришедшие к власти на волне антифранцузских настроений

---

¹ География их кочевания весьма обширная – Алжир, Ливия, Мали, Мавритания, Нигер, Буркина-Фасо, Чад.

в 2020–2023 гг., приняли решение о выходе своих стран из состава «Сахельской пятерки» и о формировании Альянса государств Сахеля (АГС), несущая конструкция французского геополитического проекта рухнула. В отличие от формата «Сахельской пятерки», действовавшего под эгидой бывшей метрополии¹, образованный в сентябре 2023 г. Альянс исходит из самого Сахеля и предполагает полномасштабную региональную интеграцию в качестве «коллективной опоры на собственные силы» [Дегтерев, 2024].

Источник: [Global terrorism ... , 2025, p. 9].

Рис. 1.

Зоны наибольшей террористической активности на Африканском континенте

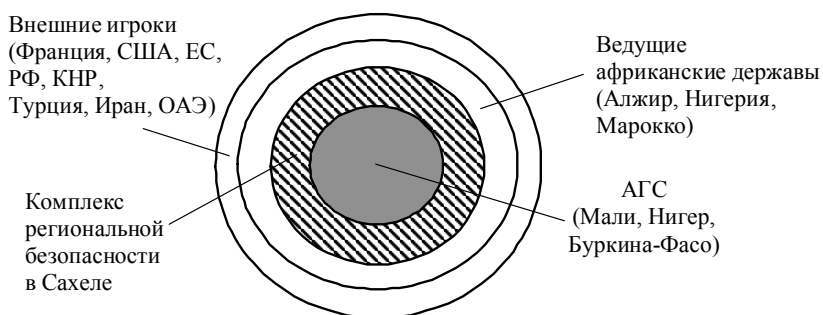
Исходя из ареала распространения террористической активности (см. рис. 1), в КРБ Сахеля в той или иной мере вовлечены и соседние страны Гвинейского залива. Парадоксально, но основными источниками террористической активности выступают не имеющие выхода к морю страны АГС (а не наоборот), где с особой силой проявляется так называемый «краевой регионализм»

---

¹ Оперативное командование «Сахельской пятерки» было совмещено с французской операцией «Бархан».

(англ. fringe regionalism) [Mattheis, Raineri, Russo, 2019], основанный в числе прочего на связанности территорий посредством доколониальных сухопутных маршрутов.

Для анализа процессов в границах комплекса безопасности представители Копенгагенской школы определили два магистральных параметра: соотношение сил и паттерны взаимоотношений (партнерство vs соперничество) [Buzan, Wæver, 2003]. Применительно к региону Сахеля в упрощенной форме можно представить КРБ в виде следующей модели (рис. 2).

Источник: составлено авторами.

Рис. 2.

Модель комплекса региональной безопасности в Сахеле

Первый уровень КРБ представлен государствами АГС – Мали, Нигер и Буркина-Фасо. По совокупному демографическому потенциалу они опережают Алжир и Марокко, и при сохранении нынешних быстрых темпов прироста населения в странах АГС разрыв будет увеличиваться (см. табл. 1). По совокупному военному бюджету АГС уже превзошел ведущую державу Западной Африки – Нигерию (самую населенную африканскую страну), хотя и значительно уступает ей по численности вооруженных сил (см. табл. 2).

Таблица 1
Динамика численности населения африканских государств,
вовлеченных в комплекс безопасности в Сахеле, млн человек

	1980	2000	2020	2023
Алжир	18,6	30,9	44	46,2
Марокко	19,5	28,4	36,6	37,7
Нигерия	73,7	126,4	214	227,8
Ливия	3,4	5,3	7,1	7,3
Мали	7,7	11,6	21,7	23,8
Нигер	6,1	11,5	23,7	26,2
Буркина-Фасо	6,9	11,9	21,5	23
АГС	–			73
Мавритания	1,5	2,6	4,6	5
Чад	4,5	8,5	17,2	19,3
Сенегал	5,8	10	16,8	18,1
Гана	11,9	19,6	31,9	33,8

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка: [World Bank ..., 2024].

Таблица 2
Динамика военных бюджетов (млн долл.) и численности
вооруженных сил (тыс. человек) африканских государств,
вовлеченных в комплекс безопасности в Сахеле

	2010		2020		2023	
	Млн долл. США	Тыс. чел.	Млн долл. США	Тыс. чел.	Млн долл. США	Тыс. чел.
Алжир	5670	147	9920	130	18300	110
Марокко	3190	196	5960	196	6480	196
Нигерия	1520	80	2570	143	1990	143
Ливия	2540	–	–			
Мали	204	7	788	13	1090	21
Нигер	46	5	202	5	334	39
Буркина-Фасо	124	11	388	11	832	6
АГС	–				2256	66
Мавритания	115	16	196	16	244	16
Чад	126	25	269	33	352	33
Сенегал	196	13,6	346	11,9	452	13,6
Гана	124	13,5	268	15,5	335	19

Источник: составлено авторами на основе данных Международного института стратегических исследований: [The military ..., 2011 ; The military ..., 2021 ; The military ..., 2024].

Следующий уровень представлен ведущими африканскими державами, которые в силу географической близости связаны с КРБ в Сахеле (рис. 2): Алжир – с восстанием туарегов, в меньшей

степени – с конфликтом в зоне Липтако-Гурма; Нигерия – с кризисом в бассейне о. Чад. Прежде к когорте этих стран следовало бы отнести и Ливию, ныне переживающую тяжелейший внутривнутриполитический кризис. При власти М. Каддафи (1969–2011) границы государства стали открыты для проживавших в соседних Мали и Нигере туарегов, многие из которых вступили в ряды ливийской национальной армии. Именно начавшийся в Ливии хаос на фоне событий «Арабской весны» создал предпосылки для выхода на авансцену «Национального движения за освобождение Азавада» (НДОА), созданного после возвращения на историческую родину оснащенных современным оружием туарегов.

События вокруг Нигера в 2023 г. продемонстрировали конкурентную природу отношений между Нигерией и Алжиром в зоне Сахеля. Нигерия, локомотив Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), куда входит также и Нигер, принципиально поддержала коллективную интервенцию на территорию Нигера, где произошел военный переворот, со стороны стран – участниц ЭКОВАС, а алжирские власти традиционно осудили силовое решение проблемы [Лошкарёв, Протасов, 2024, с. 62].

И наконец, на уровне внешних игроков, проецирующих влияние в зону Сахеля, в настоящее время расстановка сил кардинально меняется. АГС пересматривает свои внешние связи в поисках суверенной модели развития. Принцип «коллективной опоры на собственные силы» предполагает временный разрыв отношений с западными акторами с целью их «релинкинга» в перспективе на более справедливой основе [Дегтерев, 2024]. Новые правительства АГС добились вывода с территории Альянса французских войск, задействованных в операции «Бархан», вывода миротворческого контингента ООН, осуществлявшего миссию по стабилизации в Мали (МИНУСМА), прекращения операции ЕС «Такуба». Нигер разорвал оборонное партнерство с США. Вакуум иностранного присутствия, образовавшийся вследствие снижения влияния традиционных провайдеров безопасности, заполняют незападные игроки – не только великие державы (Россия, КНР), но и представляющие соседний ближневосточный комплекс безопасности «державы среднего уровня» (Турция, Иран, ОАЭ и др.).

Усиление роли РФ в Сахеле наметилось еще до антифранцузских переворотов – в 2019 г., когда главы министерств обороны России и Мали подписали соглашение о военном сотрудничестве [Соглашение между правительством ... , 2019]. Уже в ноябре 2023 г.

при поддержке российских военных армия Мали сумела восстановить контроль над городом Кидаль на севере страны, который более десяти лет считался «неприступной крепостью» сепаратизма, несмотря на присутствие в стране иностранных военных контингентов.

Важнейшей составляющей новой модели «экспорта безопасности», продвигаемой Москвой, является создание благоприятных условий для постепенного перехода страны-партнера на «импортозамещение» в вопросах обеспечения собственной безопасности, в том числе посредством подготовки военных кадров [Лошкарёв, 2023, с. 26–27]. Показательно, что решениям о создании Альянса государств Сахеля в сентябре 2023 г. и о его модификации в формате Конфедерации государств Сахеля в июле 2024 г., предшествовали переговоры с российской делегацией во главе с замминистра обороны Ю.-Б. Евкуровым. То есть Россия сыграла свою роль в деле формирования трехсторонней архитектуры коллективной обороны и шире – региональной интеграции в Сахеле. Готовность России выступать в качестве провайдера «комплексного», т.е. не ограничивающегося вопросами безопасности, суверенитета для стран АГС подтвердилась по итогам исторического визита в Москву в апреле 2025 г. министров иностранных дел Конфедерации государств Сахеля.

Франция в Сахеле: закат субимперского влияния?

Сети военно-политического и экономического влияния, лоббистские группы и иные механизмы, в совокупности именуемые «Франсафрик» (*фр.* *Françafrique*), были призваны реализовывать неокOLONиальную стратегию Парижа на африканском континенте [Филиппов, 2024, с. 145]. Франция выступала в роли «субимперии» в своих бывших африканских колониях, действуя автономно (в пределах, предоставленных ей Соединенными Штатами) и дополняя свой арсенал инструментами структурной власти «коллективного Запада» [Давидчук, Дегтерев, Сидибэ, 2022].

В январе 2013 г., в разгар малийского кризиса, когда под контролем террористических группировок оказались почти две трети страны, президент Франции Ф. Олланд по просьбе официального Бамако объявил о начале операции «Сервал». Летом 2014 г. ее сменила операция «Бархан», которая должна была соответствовать региональному характеру угрозы, в частности – концентрации

террористической активности в зоне Липтако-Гурма. Франция, располагавшая в регионе военным контингентом численностью до 5 тыс. человек, организовала здесь сложную систему сотрудничества, чтобы распределить ответственность между различными игроками (операция ООН МИНУСМА, создание «Сахельской пятерки» и т.д.). В соответствии с концептом связки «безопасность–развитие»¹ и подходом «3D» (дипломатия, безопасность, развитие; *фр.* diplomatie, défense, développement) предполагалось, что проблемы Сахеля следует рассматривать в их взаимозависимости и искать для них комплексное решение. На многостороннем уровне воплощением такого подхода стало создание (не без деятельного участия Франции) в 2020 г. Коалиции для Сахеля (*фр.* La Coalition pour le Sahel), деятельность которой базировалась на четырех «опорах»: 1) противодействие терроризму; 2) укрепление военного потенциала стран «Сахельской пятерки»; 3) содействие возвращению государства; 4) помощь развитию [La Coalition pour le Sahel ... , 2020]. По признанию французских экспертов [Antil, Vircoulon, 2024], компонента развития оказалась наиболее слабой «опорой»².

Уже в 2020 г. французский исследователь Ф.-А. Перуз де Монкло опубликовал книгу под названием «Проигранная война: Франция в Сахеле» [Perouse de Montclos, 2020]. По его мнению, под знаменем борьбы с мировым джихадизмом в Сахеле Франция обрела легитимные основания для поддержки лояльных себе недемократических режимов, а последние – для внутренних репрессий и притязаний на увеличение потоков внешней помощи (см. также: [Сидоров, 2019 ; Véron, 2022]). Затянувшаяся и не принесяшая ожидаемых результатов операция «Бархан» в итоге только способствовала подъему антифранцузских настроений в странах Сахеля. После прекращения сотрудничества с новым правительством Мали Франция вынужденно провела ревизию стратегии своего военного присутствия в регионе, передислоцировав войска в Нигер. Однако события в Мали породили «эффект домино» в Буркина-Фасо (2022) и Нигере (2023) [Antil, Vircoulon, 2024]. Новые

---

¹ Связка «безопасность–развитие» (*англ.* security-development) предполагает сопряжение вопросов безопасности и развития: нет безопасности без развития, как и развития без безопасности.

² Для сравнения: в 2014 г. объем французской двусторонней помощи странам Сахеля составил 241 млн долл., тогда как расходы на военную кампанию – 653 млн долл. [Allier sécurité ... , 2016, p. 36].

власти Нигера не только отказались размещать у себя выведенный из Мали французский воинский контингент, но и попросту «выдворили в конце 2023 г. всех французских солдат со своей территории» [Филиппов, 2024, с. 152]. Стратегия Парижа, направленная на расширение сферы своего влияния в соседнем регионе Гвинейского залива, в том числе под предлогом борьбы с терроризмом [ibid.], также оказалась несостоятельной: в конце 2024 г. лидеры Сенегала и Кот-д'Ивуара (наряду с Чадом) объявили о решении закрыть французские базы на своей территории. Это означало конец выстраиваемого Францией КРБ [Defining a new approach ... , 2025].

Однако говорить о полном уходе Франции из региона преждевременно. В распоряжении бывшей метрополии остается два важных инструмента влияния: финансовый и культурный (франкофония). Страны АГС сохраняют членство в Западноафриканском экономическом и валютном союзе (ЗАЭВС), где в качестве единой валюты используется франк КФА (африканский франк). Несмотря на низведение французского языка до статуса рабочего, говорить о том, что в обозримой перспективе он будет вытеснен официальными (африканскими) языками, вряд ли возможно. Хотя весьма вероятно, что и без того ограниченное число носителей французского языка в АГС (менее четверти его населения) еще более сократится [Абрамова, Дегтерев, 2025].

Французская дипломатия способна оказывать опосредованное влияние на ситуацию в Сахеле, выстраивая сложную систему взаимосвязей, в том числе посредством трехсторонней дипломатии. «Треугольник» с участием великой державы и региональных акторов предполагает, что последние должны обладать сопоставимым относительно друг друга потенциалом [Дегтерев, Рамич, 2021]. Наиболее релевантным видится треугольник с участием Алжира, занимающего особую нишу одновременно в географии французской дипломатии и в региональных процессах в Сахеле.

Алжир в Сахеле: амбиции региональной державы

В свое время эксперт Африканской сети по миростроительству (*англ.* African Peacebuilding Network) профессор А. Бухарс описал положение Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) в геополитическом ландшафте Сахеля 2010-х годов словами «сосед-параноик» (*англ.* paranoid neighbor) [Boukhars, 2012]. Обострение ситуации в соседней Республике Мали, на юж-

ных рубежах Алжира, несло в себе угрозу «перелива» кризиса с последующим «эффектом домино» в туарегском вопросе. Однако руководство Алжира выступало против прямого военного вмешательства в дела соседней страны, опасаясь негативных последствий для и без того хрупкой внутривнутриполитической обстановки и апеллируя к «сакральным» принципам уважения суверенитета, невмешательства и примата дипломатических инструментов над военными. Следуя этим принципам со времен провозглашения независимости в 1962 г., Алжир тем самым отводил себе роль беспристрастного посредника в урегулировании международных кризисов, стоящего «над схваткой» (*фр.* au-dessus de la mêlée) [Porter, 2015, p. 45].

АНДР открыто противопоставляла свой подход, основанный на поиске политического решения малийского кризиса, подходу Франции [Lounnas, 2021, p. 24]. «Алжир не мог смириться с тем, что оказался надолго отстранен от своей естественной роли в Мали», – утверждал один из архитекторов алжирского мирного процесса 2015 г., в прошлом посол АНДР в Мали Н. Аяди, напоминая о соглашениях 1991 и 2006 гг. [Ayadi, 2024, p. 45]. Подход Алжира предполагал, что следует признать некоторые, наиболее приемлемые требования повстанцев и кооптировать в состав властных структур представителей их умеренного крыла; тогда террористические джихадистские группировки лишатся общественной поддержки и окажутся в изоляции [Lounnas, 2021, p. 28]. На этих принципах строилось заключенное в 2015 г. при посредничестве Алжира Соглашение о мире и примирении в Мали (хотя по сути его положения так и не были имплементированы).

Амбиции и потенциал регионального лидера, не подкрепляемые решительными шагами, в конечном счете привели к кризису внешнеполитической парадигмы Алжира. Инструменты дипломатии были исчерпаны, а оборонительная тактика на фоне трансграничного характера угроз не оправдала себя. Кроме того, отказавшись от прямого военного вмешательства в конфликт, Алжир фактически поддержал французские инициативы военного урегулирования (в частности, открыл для Франции свое воздушное пространство), взял на себя роль «второй скрипки» и в итоге лишился рычагов контроля в данном вопросе [Hamadouche, 2014].

Новый лидер государства А. Теббун, пришедший к власти в 2019 г., объявил, что намерен вернуть алжирской дипломатии динамизм, утраченный в 2010-е годы, и обеспечить стране статус

региональной державы. Тем не менее Алжир сохраняет большую осторожность в отношении сценариев силового вмешательства в Сахеле, настаивая на необходимости политического решения кризисных ситуаций [Lounnas, 2021].

**«Треугольник» Франция – Алжир – Мали:
актуальное состояние
и сценарии реконфигурации**

Вектор Франция – Алжир

По мнению министра иностранных дел Франции Ж.-Н. Барро, в настоящий момент франко-алжирские отношения в очередной раз зашли в тупик [Pour Jean-Noël Barrot ... , 2025]. Предпосылкой для нового политического кризиса стало недвусмысленное заявление президента Э. Макрона, сделанное в конце июля 2024 г., что он видит «настоящее и будущее Западной Сахары в рамках суверенитета Марокко» [Макрон заявил ... , 2024], в ответ на что Алжир отозвал своего посла из Парижа. Затем последовали высылка дипломатов, введение визовых ограничений, прекращение парламентских связей.

Наблюдаемые противоречия между Алжиром и Парижем – симптомы глубинного процесса, связанного с суверенным внешнеполитическим курсом, который последовательно продвигает АНДР. Отчасти именно в этом кроется объяснение того, что антиколониальный дискурс находит в Алжире особый отклик. Французский же общественный дискурс находится под влиянием противоположных нарративов: с одной стороны, анти(нео)колониальных настроений (в основном свойственных магрибским диаспорам), с другой – ностальгических воспоминаний о «Французском Алжире» [Чихачев, 2022]. При этом стратегия неприсоединения, которой придерживается Алжир, предполагающая балансирование между великими державами, отводит странам ЕС роль соседей, но не глобального центра силы. Неслучайно Алжир стремится сделать акцент на взаимодействии с другими державами, такими как США, Россия и Китай, в ущерб отношениям с Францией. Подобное положение дел сложилось в том числе и из-за упущений, допущенных французской дипломатией, зачастую противопоставлявшей связи Франции с Алжиром и Марокко, делая выбор в пользу последних [Audition ... , 2025].

Сахель оказался очередным полем для столкновения внешнеполитического видения двух стран. Следуя логике суверенного развития, Алжир принципиально возражал против иностранного военного присутствия в регионе. Н. Аяди указывал, что существует «антагонизм между французской стратегией силы и военного вмешательства и алжирской стратегией, продвигающей диалог и мир» [Ayadi, 2024, p. 16]. По его словам, в политике Парижа, в частности – в его систематической поддержке Марокко, прослеживается стремление дискредитировать роль Алжира в регионе и навязать собственную повестку [ibid., p. 33]. «Бесславный конец» операции «Бархан» [Филиппов, 2022] был практически предопределен после того, как Алжир закрыл свое воздушное пространство для военных воздушных судов Франции в 2021 г.

Вектор Алжир – АГС

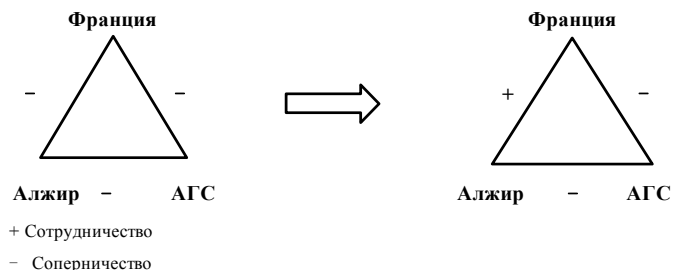
Первые признаки ухудшения отношений между Алжиром и Мали появились еще в конце 2023 г., но в апреле 2025 г. отношения между странами достигли беспрецедентного уровня напряженности. Инцидент с малийским дроном, сбитым Алжиром в районе границы, привел к дипломатическому скандалу. Переходное правительство Мали осудило «беспрецедентный акт агрессии в истории отношений между странами», обвинив алжирский режим в пособничестве международному терроризму. В ответном коммюнике алжирское МИД обвинило «военную хунту Мали» в попытках сделать Алжир «козлом отпущения» (*фр.* bouc émissaire) и заявило о «неспособности путчистов¹ обеспечить эффективные контртеррористические действия» [Communiqué de presse ... , 2025]. Союзники Мали по АГС, проявив солидарность, в совместном заявлении квалифицировали действия Алжира как «акт агрессии», направленный против всех стран – участниц Альянса [Confédération des États du Sahel ... , 2025].

В противовес стремлению Алжира сохранить за собой традиционную функцию посредника в регионе, новые власти Мали продвигают более автономный подход, пытаясь выступать с позиции сильного государства, отвергающего любое внешнее вмешательство во внутренний конфликт. В январе 2024 г. в Бамако объявили о выходе из Алжирского соглашения. Алжир расценил этот

---

¹ Алжир осудил перевороты в Мали в 2020 и 2021 гг. и не признает легитимность действующего малийского правительства.

шаг как отказ от политического варианта разрешения кризиса в пользу военного. Обосновывая свое решение, переходное правительство Мали указало, что уступки сепаратистам, целенаправленно добивающимся раскола страны, несовместимы с реальным государственным суверенитетом [Maïga, 2020, p. 20]. При этом на следующий день после выхода из Алжирских соглашений в Мали был инициирован «прямой межмалийский диалог», т.е. путь к диалогу остался открытым, но в ином формате.

Источник: составлено авторами.

Рис. 3.
**Состояние отношений в «треугольнике»
Франция – Алжир – АГС и благоприятная
для Франции модель реконфигурации**

При нынешнем состоянии отношений в «треугольнике» Франция – Алжир – АГС наиболее выгодный для Парижа сценарий – поддержание высокого градуса напряженности между Алжиром и странами АГС (прежде всего – между Алжиром и Мали) и в перспективе нормализация отношений с Алжиром (рис. 3). Последнее (с учетом турбулентной природы франко-алжирских отношений) вполне возможно – в отличие от выстраивания конструктивного диалога между Парижем и не признаваемыми им переходными правительствами стран АГС. Франция может использовать алжиро-малийские противоречия, разрабатывая новую стратегию сближения с АНДР. Такой подход может быть направлен не столько на международную изоляцию АГС, сколько на противодействие возможному складыванию антифранцузского блока в регионе при одновременном усилении влияния других внешних игроков, в том числе – России, являющейся стратегическим парт-

нером и для АГС, и для Алжира. Еще одной важной переменной в геометрии региональных связей выступает Марокко: весьма вероятно, что Париж будет использовать антагонизм Марокко с Алжиром в своей обновленной стратегии.

***

Тенденции последних лет, получившие развитие в зоне Сахеля, указывают на оформление здесь комплекса безопасности на базе Альянса государств Сахеля, выступающего в качестве «ядра» складывающегося режима коллективной безопасности. Динамичное изменение соотношения сил в регионе приводит к переоценке привычных ролей региональных и внерегиональных игроков в обеспечении региональной стабильности. В условиях кризиса политики «Франсафрик» одним из возможных вариантов для сохранения (по крайней мере, опосредованного) французского влияния в Сахеле может стать многосторонняя дипломатия с участием региональных акторов. Однако при любой конфигурации связей Париж в своих действиях будет вынужден руководствоваться конкурентной, а не кооперативной стратегией, нацеленной в том числе на противодействие проникновению в региональную подсистему других внешних акторов.

Литература / References

Абрамова Е.А., Дегтерев Д.А. (2025). Политика франкофонии : остаточное влияние Франции в Сахеле? / Россия и современный мир / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 79–99 [Abramova E.A., Degterev D.A. (2025). Francophony policy : residual influence of France in the Sahel? [*Politika frankofonii : ostatochnoe vliyanie Frantsii v Sakhele?*] // Russia and the contemporary world / RAN, INION. – Moscow. – N 1. – P. 79–99]. (In Russian).

Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Сидибэ О. (2022). Военное присутствие Франции в Мали : структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 50–78 [Davidchuk A.S., Degterev D.A., Sidibe O. (2022). France's military presence in Mali : structural power of the sub-empire of the «collective West» [*Voennoe prisutstvie Frantsii v Mali : strukturnaya vlast' subimperii «kollektivnogo Zapada»*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 50–78]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.04.03.

Дегтерев Д.А. (2024). «Коллективная опора на собственные силы» : новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного мира // Ученые записки Института Африки РАН / РАН, ИАФр. – Москва. – № 2. – С. 60–81 [Degterev D.A. (2024). «Collective self-reliance» : restarting the concept in the Sahel in

the context of a multipolarizing world order [*«Kollektivnaya opora na sobstvennyye sily» : novoe prochtenie kontseptsii v Sakhele v kontekste stanovleniya mnogopolyarnogo mira*] // J. of the Institute for African studies / RAS, Institute for African studies. – Moscow. – N 2. – P. 60–81]. (In Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81.

Дегтерев Д.А., Рамич М.С. (2021). Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право* / РАН, ИНИОН. – Москва. – Т. 14, № 3. – С. 23–43 [Degterev D.A., Ramich M.S. (2021). Strategic triangles and balancing in world politics [*Strategicheskie treugol'niki kak instrument balansirovaniya v mirovoi politike*] // *Outlines of global transformations : politics, economics, law* / RAS, INION. – Moscow. – Vol. 14, Issue 3. – P. 23–43]. (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2.

Западные и незападные акторы в обеспечении безопасности в Африке. (2023) / РСМД. – Москва. – 74 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Africa-Security-Report89.pdf> (дата обращения: 26.08.2025) [Western and non-Western actors in ensuring security in Africa [*Zapadnye i nezapadnye aktory v obespechenii bezopasnosti v Afrike*]. (2023) / RIAC. – Moscow. – 74 p. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Africa-Security-Report89.pdf> (date of access: 26.08.2025)]. (In Russian).

Исаев Л.М., Бобарыкина Д.А., Коротаев А.В. (2022). Туарегский сепаратизм и исламистская угроза в Азаваде // *Вестник МГУ. Серия 13 : Востоковедение* / МГУ. – Москва. – № 4. – С. 20–31 [Isaev L.M., Bobarykina D.A., Korotaev A.V. (2022). Tuareg separatism and the Islamist threat in Azawad [*Tuaregskii separatizm i islamistskaya ugroza v Azavade*] // *Bulletin of Moscow State University. Series 13 : Oriental studies* / Moscow State Univ. – Moscow. – N 4. – P. 20–31]. (In Russian).

Комплекс региональной безопасности и динамика угроз государствам Сахеля. (2023) / Идахоса С.О., Савичева Е.М., Ихидеро С.А., Адебайо К.М. // *Вестник РУДН. Серия : Международные отношения* / РУДН. – Москва. – Т. 23, № 1. – С. 67–87. [Regional security complex and threat dynamics of the Sahelian states [*Kompleks regional'noi bezopasnosti i dinamika ugroz gosudarstvam Sakhelya*]. (2023) / Idahosa S.O., Savicheva E.M., Ikhidero S.I., Adebaio K.M. // *RUDN Bulletin. Series : International relations* / RUDN. – Moscow. – Vol. 23, Issue 1. – P. 67–87]. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-67-87.

Лошкарёв И.Д. (2023). Россия как провайдер безопасности в Африке // *Западные и незападные акторы в обеспечении безопасности в Африке* / РСМД. – Москва. – С. 23–27. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Africa-Security-Report89.pdf> (дата обращения: 26.08.2025) [Loshkarev I.D. (2023). Russia as a security provider in Africa [*Rossiya kak provaidler bezopasnosti v Afrike*] // *Western and non-Western actors in ensuring security in Africa* [*Zapadnye i nezapadnye aktory v obespechenii bezopasnosti v Afrike*] / RIAC. – Moscow. – P. 23–27. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Africa-Security-Report89.pdf> (date of access: 26.08.2025)]. (In Russian).

Лошкарёв И.Д., Протасов Д.В. (2024). Региональные державы Африканского континента : тенденции и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения* / РАН, ИМЭМО. – Москва. – Т. 68, № 4. – С. 54–65 [Loshkarev I.D., Protasov D.V. (2024). Regional powers of the African continent : trends and prospects [*Regional'nye derzhavy Afrikanskogo kontinenta : tendentsii i perspektivy*] //

World economy and international relations / RAS, IMEMO. – Moscow. – Vol. 68, Issue 4. – P. 54–65]. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-4-54-65.

Макрон заявил, что Франция признает автономию Западной Сахары под суверенитетом Марокко. (2024) // Африканская инициатива. – Москва. – 30.07. – URL: <https://afrinz.ru/2024/07/makron-zayavil-chto-francziya-priznaet-avtonomiyu-zapadnoj-sahary-pod-suverenitetom-marokko/?ysclid=malcafsjmn293844269> (дата обращения: 26.08.2025) [Macron said that France recognizes the autonomy of Western Sahara under the sovereignty of Morocco [Makron zayavil, chto Frantsiya priznaet avtonomiyu Zapadnoi Sakhary pod suverenitetom Marokko]. (2024) // African Initiative. – Moscow. – 30.07. – URL: <https://afrinz.ru/2024/07/makron-zayavil-chto-francziya-priznaet-avtonomiyu-zapadnoj-sahary-pod-suverenitetom-marokko/?ysclid=malcafsjmn293844269> (date of access: 26.08.2025)]. (In Russian).

Сидоров А.С. (2019). Африканский джихад со старыми корнями? // Международные процессы. – Москва. – № 3. – С. 120–123 [Sidorov A.S. (2019). African Jihad with old roots? [Afrikanskii dzhikhad so starymi kornyami?] // International trends. – Moscow. – N 3. – P. 120–123]. (In Russian). DOI:10.17994/IT.2019.17.3.58.8.

Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Мали о военном сотрудничестве. (2019) / МИД РФ. – Москва. – 25.06. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57592/ (дата обращения: 26.08.2025) [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Mali on military cooperation [Soglashenie mezhdru pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii i pravitel'stvom Respubliki Mali o voennom sotrudnichestve]. (2019) / Ministry of foreign affairs of the Russian Federation. – Moscow. – 25.06. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57592/ (date of access: 26.08.2025)]. (In Russian).

Трунов Ф.О. (2022). Постколониальный французский Сахель : стратегическое проникновение ФРГ // Политическая наука / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 205–223 [Trunov Ph.O. (2022). Postcolonial French Sahel : strategic penetration of the FRG [Postkolonial'nyi frantsuzskii Sakhel' : strategicheskoe proniknovenie FRG] // Political science. – Moscow. – N 1. – P. 205–223]. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2022.01.09.

Филиппов В.Р. (2022). Операция «Бархан» : бесславное завершение? // Азия и Африка сегодня. – Москва. – № 1. – С. 40–47 [Filippov V.R. (2022). Operation «Barkhan» : an inglorious end? [Operatsiya «Barkhan» : besslavnoe zavershenie?] // Asia and Africa today. – Moscow. – N. 1. – P. 40–47]. (In Russian). DOI:10.31857/S032150750018297-8.

Филиппов В.Р. (2024). Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН / РАН, ИАфр. – Москва. – № 2. – С. 144–156 [Filippov V.R. (2024). «Françafrique» systemic crisis [Sistemnyi krizis «Fransafrik»] // J. of the Institute for African studies / RAS, Institute for African studies. – Moscow. – N 2. – P. 144–156]. (In Russian). DOI:10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156.

Чихачев А. (2022). Франция – Алжир : вопросы о прошлом и будущем / РСМД. – Москва. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-alzhir-voprosy-o-proshlom-i-budushchem/?ysclid=macwxzhicq567994496> (дата обращения: 26.08.2025) [Chikhachev A. (2022). France–Algeria : questions

about the past and future [*Frantsiya – Alzhir : voprosy o proshlom i budushchem*] / RIAC. – Moscow. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-alzhir-voprosy-o-proshlom-i-budushchem/?ysclid=macwxzihcq567994496> (date of access: 26.08.2025)]. (In Russian).

Allier sécurité et développement Plaidoyer pour le Sahel. (2016) / Fondation pour les études et recherches sur le développement international (FERDI). – Clermont-Ferrand. – 100 p. – URL: <https://ferdi.fr/dl/df-VtMSyiido9x2EmdEdRAR9fBf/allier-securite-et-developpement-volume-1.pdf> (date of access: 26.08.2025).

Antil A., Vircoulon T. (2024). Après l'échec sahélien, repenser le logiciel de la politique française en Afrique / Institut français des relations internationales (IFRI). – Paris. – 10 p.

Audition de M. Adlene Mohammedi, chercheur et enseignant en géopolitique, spécialiste du monde arabe, sur les relations entre la France et l'Algérie. (2025) / Le Sénat. – Paris. – 12.02. – URL: <https://www.senat.fr/compte-rendu-commissions/20250210/etrang.html#toc4> (date of access: 26.08.2025).

Ayadi N. (2024). Kidal vaut bien une guerre : l'Algérie et la France au Mali et au Sahel : influence vs puissance. – Alger. – 492 p.

Boukhars A. (2012). The paranoid neighbour : Algeria and the conflict in Mali / Carnegie Endowment for International Peace. – Washington, D.C. – 32 p.

Buzan B. (1983). People, states and fear : an agenda for international security studies in the post-Cold War era. – London : Harvester Wheatsheaf. – 394 p.

Buzan B., Wæver O. (2003). Regions and powers : the structure of international security. – Cambridge : Cambridge univ. press. – 564 p.

Communiqué de presse du Ministère des Affaires étrangères : Confédération des Etats du Sahel. (2025) / Ministère des Affaires Etrangères et de la Communauté Nationale à l'Etranger. – Alger. – 07.04. – URL: <https://mfa.gov.dz/fr/announcements/statement-of-the-ministry-of-foreign-affairs-confederation-of-sahel-states-07042025> (date of access: 26.08.2025).

Confédération des États du Sahel (AES) : Le Collège des chefs d'État réagit face à l'Algérie. (2025) // Bamada.net. – Bamako. – 09.04. – URL: <https://bamada.net/confederation-des-etats-du-sahel-aes-le-college-des-chefs-detat-reagit-face-a-lalgerie> (date of access: 26.08.2025).

Defining a new approach to the Sahel's military-led states. (2025) / International Crisis Group. – Brussels. – 22.05. – URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/sahel/burkina-faso-mali-niger/defining-new-approach-sahels-military-led-states> (date of access: 26.08.2025).

Global terrorism index 2025. (2025) / Institute for Economics and Peace. – Sydney. – 111 p. – URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2025/03/Global-Terrorism-Index-2025.pdf> (date of access: 26.08.2025).

Hamadouche D.-A. (2014). L'Algérie et la sécurité au Sahel : lecture critique d'une approche paradoxale // Confluences Méditerranée. – Paris : Éditions L'Harmattan. – N 90. – P. 105–121.

La Coalition pour le Sahel, un nouveau cadre pour l'action internationale. (2020) / Alliance Sahel. – 18.12. – URL: <https://www.alliance-sahel.org/presse/coalition-pour-le-sahel/> (date of access: 26.08.2025).

- Lounnas D. (2021). The Algerian strategy in the Sahel : shift or adaptation? / Rosa-Luxemburg-Stiftung. – Berlin. – 40 p.
- Maïga Ch.K. (2020). La faillite de l'Etat Malien : les origins, les responsabilités, les pistes des solutions. – Bamako. – 26 p.
- Mattheis F., Raineri L., Russo A. (2019). Fringe regionalism : when peripheries become regions. – London : Palgrave Macmillan. – 105 p.
- Perouse de Montclos M.-A. (2020). Une guerre perdue : la France au Sahel. – Paris : JC Lattès. – 200 p.
- Porter G.-D. (2015). Le non-interventionnisme de l'Algérie en question // Politique étrangère. – Paris. – N 3. – P. 43–55.
- Pour Jean-Noël Barrot, faire de l'Algérie un sujet de politique intérieure est contre-productif. (2025) // RT France. – Paris. – 06.05. – URL: <https://francais.rt.com/france/120372-pour-jean-noel-barrot-faire-algerie-france-retailleur-tebboune-macron> (date of access: 26.08.2025).
- The military balance. (2011) / International institute for strategic studies. – London. – 482 p.
- The military balance. (2021) / International institute for strategic studies. – London. – 524 p.
- The military balance. (2024) / International institute for strategic studies. – London. – 550 p.
- Véron J.-B. (2022). Une guerre perdue, la France au Sahel // Afrique contemporaine / Association Nouvelle Afrique contemporaine. – Paris. – P. 178–181.
- Williams P. (2016). War and conflict in Africa. – London : Polity. – 400 p.
- World Bank open data. (2024) / World Bank. – Washington, D.C. – URL: <https://data.worldbank.org> (date of access: 26.08.2025).

DOI: 10.31249/ape/2025.04.09

© Abramova E.A.¹, © Degterev D.A.²
***France in the changing balance
of power in the Sahel region:
geometry of influence***

Abstract. *In the process of rapid changes in the geopolitical situation in the Sahel region, it is not only the reconfiguration of the balance of power that deserves attention, but also the formation of a regional security complex, the*

---

¹ **Abramova Ekaterina Aleksandrovna** – PhD Student, Junior Researcher, Institute for African Studies RAS (ekaterina_abramova23@mail.ru). ORCID: 0009-0004-6761-4215.

² **Degterev Denis Andreevich** – ScD in Political Sciences, Ph.D in Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for African Studies RAS (ddegterev@inafr.ru). ORCID: 0000-0001-7426-1383.

core of which is the Alliance of Sahel States (ASS – Mali, Niger and Burkina Faso). This study proposes a model and outlines the geographical boundaries of the security complex in the Sahel, and reveals the dynamics of changes in the balance of power at the level of regional and external actors.

The crisis of the Françafrique system, which emerged as a result of coups d'état against the backdrop of growing anti-French sentiments in Mali, Niger and Burkina Faso (2020–2023), is forcing the former metropolis to adapt its strategy in the zone of «privileged influence» to new realities. It seems premature to claim that France is completely «withdrawing» from the region. In the absence of its former arsenal of levers of influence in the Sahel (military presence, development assistance, etc.), France retains the ability to indirectly influence regional processes, including through trilateral diplomacy. The study predicts the most possible approach of French diplomacy within the framework of the «triangle» of relations with Algeria and the ASS countries. It is conceivable that Paris will pursue a competitive strategy, using the tensions between Algeria and Mali to contain the growing influence of non-Western players in the Sahel, such as Russia.

Keywords: *Sahel, balance of power, regional security complex, France, Algeria, ASS.*

Статья поступила в редакцию (Received) 26.05.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 17.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 18.06.2025